

Глубина идеи и ее берега

Либерализм: идеи, опыт, современность

ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Ф.В.

Из инстинкта свободы не должно вытекать однозначного оптимизма

Я хотел бы поддержать г-на Аксенова в том, что жившие на наших просторах люди не в меньшей степени обладали даром свободы, инстинктом свободы, чем все остальные. Об этом говорит многовековое бегство сначала на Волгу, потом на Дон, на Кубань, в Сибирь и т.д. И мне приходилось в беседах с нашими западными коллегами провозглашать ту же позицию.

Но отсюда не вытекает однозначный оптимизм, потому что опыт вызывает прямо противоположную реакцию. Вековое угнетение сказывалось, государство накладывало печать. Отсюда возникает такое вот пессимистическое чувство у наших людей: "Нет, все равно ничего не выйдет!" Поэтому такое вот двойственное чувство возникает: потен-

ции, стремление к свободе существенные, но, с другой стороны, много негативного опыта и апатии.

Вспомните знаменитую фразу: "Берите суверенитета столько, сколько сумеете переварить". Сказано, с моей точки зрения, замечательно. Большинство не поняли, что глотать придется, и поперхнулись. Это вынужденная мера, единственное, что можно сделать в условиях развала. И к морям нам придется пробиваться с большими усилиями. Но не военными мерами, а экономическими. И надеюсь, что ни внукам, ни правнукам воевать за порты не придется.

ГАЙДАР Е.Т.

Экономический либерализм абсолютно неизбежен

Я остановлюсь только на одной, очень узкой теме — экономическом либерализме и его месте в современной российской жизни и в российских перспективах. Я попытаюсь доказать, что либерализм экономический является для России данностью. Либеральные реформы все равно пройдут.

Экономический либерализм можно свести к вопросу о доли государственных расходов в валовом внутреннем продукте. Все, что связано с государственным активизмом в экономике, означает, что государство берет деньги и на что-то их тратит. Когда либеральная идеология бывает востребована в рыночных, устойчивых, процветающих демократиях? Когда расходы выходят на неустойчивый уровень. Например, в Швеции, где в связи с гомогенностью общества, с традициями, с эффективностью налоговой системы, государственные расходы вышли на уровень 70 с чем-то процентов ВВП. Очевидно, это неудержимо даже для сильной экономики. Вот почему для Швеции эти двадцать лет были годами отката с лидирующих позиций в уровне валового продукта на душу населения. И в конце концов востребована либеральная политика. Хотят политики или не хотят, сочетается это с их политическими взглядами или нет, приходится проводить либерализацию. В этом смысле Россия сейчас в уникальном положении. У нас реальные возможности финансирования государственных расходов из бюджета радикально меньше, чем ставший привычным объем государственных обязательств. Как раз сейчас я заканчиваю книжку о факторах, которые определяют динамику доходов и расходов бюджета по всему набору постсоциалистических стран. Так вот, Россия прошла такой путь после социализма, в котором резкое падение доли государственных доходов в ВВП является данностью, от которой не уйдешь. Нынешний бюджетный кризис это разница между объемом

обязательств и реальными деньгами. Государство как бы уже поняло, что пустые деньги печатать из воздуха нельзя. Но, видимо, кризис еще недостаточно острый, чтобы оно сказала: ну хорошо, то, что у нас есть, давайте и разделим. И отсюда главный нарыв, который не дает жить России. Причем если государство постоянно делит деньги, которых у него нет, то оно, естественно, все более дальше подрывает налоговую базу, потому что создается обстановка финансового хаоса и неопределенности, при которой всегда проявляется и постепенно нарастающая тенденция снижения уровня налоговых поступлений. Дурную налоговую традицию очень легко создать, но очень трудно поломать. И вот пока что складывающаяся практика, например, бюджетных поступлений очень устойчива, надолго устойчива. Что означает: если мы не делаем ничего, то государственные доходы падают и вслед за ними падают государственные расходы.

Ну хорошо, можем еще раз попытаться войти в еще один режим с элементами популизма, который мы проходили. Ну хорошо, скажем мы, еще раз напечатаем деньги и выполним все обязательства. Но только мы хорошо знаем внутреннюю логику этих экспериментов и их влияние на основные параметры экономики. А параметры такие: вы из него выходите с более низким уровнем государственных доходов. И потом вам придется проводить стабилизацию, например, вообще без пенсионной системы.

В этой связи единственное, что можно сделать, — провести комплекс реформ, ориентированных на существенное ограничение государственных обязательств в экономике. Это такая данность. Ее можно принять сегодня, можно принять завтра, но чем позже ты ее примешь, тем на более низком уровне тебе придется начинать стабилизацию.

СТЕПАНСКИЙ А.Д.

Нашему либерализму труднее, чем прежнему

Общее между сегодняшним и историческим либерализмом — идеалы и цели. Коренное различие же заключается в исходной точке, от которой начинаем движение. В сущности, мы сейчас стремимся к той же цели, но с диаметрально противоположной стороны. Традиционный либерализм, не только русский, но и европейский, преодолевал феодализм. Переход достаточно органичный. В недрах его складывались предпосылки: частная собственность, средний класс, даже права. Система прав выростала из аристократических привилегий.

Сейчас нам труднее, поскольку мы идем от тоталитарной системы, в которой все родилось. Нет ни понятия о правах личности, ни собственности, ни других необходимых элементов.

Второй вопрос, который историкам либерализма очень близок. Я хочу обратить внимание на еще одну силу, которая много дала в истории. Это либеральная бюрократия, очень сильная в России в середине XIX века, потом ее роль снижается. Что это такое? Интеллигентная бюрократия. В России этот термин

имеет негативную окраску, есть более культурный термин — менеджер. Государством нужно уметь управлять; академическая, литературная и прочая интеллигенция не умеет этого делать. Я часто говорю своим студентам: отправляя в ссылку Сперанского, Александр Первый подписал смертный приговор Николаю Второму. Сперанский предлагал реформы, может быть, преждевременные, но любопытно, что все, что проводилось после него, было запоздалым.

ОБОЛОНСКИЙ А.В.

В нынешней либеральной идее нет элемента мечты

У меня такое впечатление: мы больше говорим о либеральной идеологии в ее классическом смысле, между тем в XX веке особенно в последние десятилетия, она модернизируется. Если мы возьмем, скажем, четыре парадигмы: анархистская, либеральная, этатистская и тоталитаристская, четыре типа сознания, то, с одной стороны, либеральная идеология заимствовала очень многое у этатизма. Она далеко ушла от классической либеральной гумбольдтовской доктрины